

ДОМА КОММУНЫ КАК ПРИМЕР СВЯЗИ АРХИТЕКТУРЫ И ПОЛИТИКИ

Русецкая Ю.А., Лещина О.В.

Научный руководитель: Дайняк Е.Н.

Белорусский национальный технический университет

Архитектура, как и любой вид искусства является отражением уровня развития социума. В архитектуре проявляется технологическое, духовное, экономическое и политическое развитие общества. Однако, архитектура выступает в качестве отражения действительности, но и может выступать в качестве инструмента для формирования будущей политической парадигмы в обществе, чем и стали дома коммуны, о которых пойдет речь в данной научной работе.

Дом-коммуна — яркое архитектурное и социальное явление 1920-х — начала 1930-х годов, ставшее воплощением пролетарской идеи «обобществления быта», одно из проявлений эпохи советского авангарда.

Идея социалистов-утопистов о создании «нового массового человека» привела их, и прежде всего Фурье, к созданию концепции «фаланстера» — новой формы жилья, где люди смогли бы приучиться к коллективизму. В основу фаланстера положена идея производительной и потребительной ассоциации. Все работы здесь будут распределены между «страстными сериями»; каждый избирает себе занятие. Результаты труда всех членов фаланги будут стекаться в её общие хранилища, и отсюда они могут получать всё необходимое. Однако, в фаланге сохраняются частная собственность и неравенство состояний. Деятельность каждого будет оплачиваться по количеству затраченного труда. Общий доход фаланги будет разделяться на двенадцать частей, из которых четыре придется на долю капитала, пять — труда, три — таланта, теоретических и практических знаний. Мало того: для более правильной оценки все работы будут распределены по степени привлекательности, по степени трудности и полезности, и в зависимости от этих свойств оплачиваться. Только в распределении продуктов, полученных фалангой, Фурье не допускал индивидуальной свободы: во всём остальном она является верховным принципом.

Хорошо известны советские эксперименты в этой области после революции, но в России существовали и более ранние опыты создания такого совместного жилья будущего, например, коммуны И. Н. Крамского, В. А. Слепцова. Однако все эти попытки не увенчались успехом и просуществовали недолго из-за сложности в распределении, жесткого контроля и в целом плохих условий для жизни.

Идея фаланстера была близка идеологам Октябрьской революции. Ленинский черновой набросок проекта «О реквизировании квартир богатых для облегчения нужд бедных» содержит мысль о принципиальной невозможности и ненужности отдельного жилья для каждого человека, даже в виде отдельной комнаты.

С октября 1917 года большевистские руководители организовали в Смольном не только штаб революции, но и свой быт. В здании размещались жилые квартиры и комнаты, библиотека, музыкальная школа, ясли, баня, столовая; здесь проживало около 600 человек, которых обслуживало более 1000 рабочих и служащих. Разработку проектов здания «нового типа» начали в 1919 году архитекторы-члены Живискульптарха. В Москве и Петрограде появляются т. н. «дома Совета». Это были по сути общежития с отдельными комнатами, общей столовой и общими кухнями для проживания совслужащих по ордерам. Проживание и питание в таких домах Совета были бесплатными. В 1918-1922 году в подобных коммунах на Бассейной улице и ДOME искусств (ДИСК) в особняке банкира С. П. Елисеева на Невском проспекте размещали деятелей культуры. Дома Совета и подобные учреждения прекратили своё существование после специального декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 12 сентября 1923 года. Гостиницы вернулись к выполнению привычных функций, а советская номенклатура перебралась в отдельные квартиры.

Получили распространение и молодежные коммуны, например, комплекс общежитий Института красной профессуры строился в 1925-1928 гг. по проекту архитекторов Д.П. Осипова и А.М. Рухлядева. Дом-коммуна (Общежитие) состоит из 8 корпусов, расположенных в шахматном порядке и соединенных общим корпусом с галереями. Партийные деятели всецело поддерживали молодёжный коммунарский задор, считая, что коммуна, как писала Н. К. Крупская, — «...это организация на почве обобществления быта новых общественных отношений, новых взаимоотношений между членами коммуны, новых... товарищеских отношений между мужчиной и женщиной».

Общежития-коммуны создавались как при различных предприятиях и учебных заведениях, так и стихийно — самими молодыми людьми, вдохновлёнными идеями обобществления быта. Во многих случаях, в особенности в коммунах рабочей молодёжи, создававшихся на ленинградских фабриках и заводах, быт обобществлялся полностью.

В конце 1920-х годов на фоне свёртывания нэпа возродилась дискуссия о новых типах рабочих жилищ, главным из которых понимался дом-коммуна. Участники дискуссии были убеждены в том, что новый быт в старых архитектурных пространствах строить невозможно. В 1926 году был организован конкурс архитектурных проектов, организаторы которого

поставили перед участниками задачу: превратить так называемый жилищный очаг из тесной, скучной, а подчас и тяжёлой колени для женщины в место приятного отдыха.

В годы первой пятилетки, с появлением на улицах первых конструктивистских построек, стали вырастать и новые жилые дома-коммуны. Возведение домов-коммун регулировалось «Типовым положением о доме-коммуне» Центржилсоюза (1928), который предписывал коммунарам при вселении отказаться от накопленных предыдущими поколениями мебели и предметов быта и предполагал коллективное воспитание детей, стирку, уборку, приготовление еды и удовлетворение культурных потребностей.

Часть архитекторов реализовывала эту концепцию в едином архитектурном объёме, объединявшем индивидуальные квартиры и коммунальные учреждения — по такому принципу были возведены дом-коммуна архитектора Николаева и Дом Наркомфина в Москве, Дом-коммуна инженеров и писателей, Дом политкаторжан, Бабуринский, Батенинский и Кондратьевский жилмассивы в Ленинграде. Практика домов-коммун была осуждена специальным постановлением ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 года «О работе по перестройке быта», где, в частности, говорилось:

«ЦК отмечает, что наряду с ростом движения за социалистический быт имеют место крайне необоснованные, полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей (Сабсович, отчасти Ларин и др.) «одним прыжком» перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой — в необходимости в данный момент максимального сосредоточения всех ресурсов на быстрой индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной переделки быта».

Некоторые идеи, впрочем, сохранились и легли в основу элитных жилых комплексов для начальства, как, например, придание дому собственной закрытой бытовой инфраструктуры. Архитекторам порекомендовали вернуться к строительству прежних индивидуальных квартир, а строили по-прежнему медленно и дорого, так что большинству населения вместо коммун пришлось ютиться в коммуналках, где быт был обобществлен по определению, но до конца идея дома-коммуны так и не умерла. К ней попытались вернуться еще один раз, но уже в совершенно иную эпоху и на другом уровне строительства. Хотя эксперимент и не увенчался успехом — архитектура показала себя как достаточно эффективный инструмент идеологического воздействия.